

Юлия Захарова, Виктория Алекс

Сияние

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
3-38

Захарова Ю.
3-38 Сияние / Юлия Захарова, Виктория Алекс – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 450 с.

ISBN 978-5-524-00774-2

Во время полярной ночи на озере Имандра в Мончегорске исчезает девушка, а ее друг появляется из леса с окровавленной палкой и рассказом о древнем саамском духе Мяндаше. Столичный следователь Федор Кравцов, пытаясь не повторить ошибку двадцатилетней давности, выходит на след серийного убийцы, который прячет свои преступления за легендами Севера – и должен успеть остановить его, пока тот снова не убил.

ISBN 978-5-524-00774-2

© Lennex Corp, 2026
© Ю. Захарова, 2026

**Юлия Захарова,
Виктория Алекс**

Сияние

УДК 82-312.4
ББК 84-4
3-38

Захарова Ю., Алекс В.

3-38 Сияние / Юлия Захарова, Виктория Алекс. – М.: Литнет, 2026. – 450 с.

ISBN 978-5-524-00774-2

Во время полярной ночи на озере Имандра в Мончегорске исчезает девушка, а ее друг появляется из леса с окровавленной палкой и рассказом о древнем саамском духе Мяндаше. Столичный следователь Федор Кравцов, пытаясь не повторить ошибку двадцатилетней давности, выходит на след серийного убийцы, который прячет свои преступления за легендами Севера – и должен успеть остановить его, пока тот снова не убил.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00774-2

© Литнет, 2026
© Захарова Ю., 2026
© Алекс В., 2026

Глава 1

Над озером Имандра висел не просто холод. Висел абсолютный, пронизывающий до костей тишиной звук, который был громче любого крика. Воздух звенел от мороза, крошечные кристаллики льда сверкали в свете луны, будто рассыпанная по черному бархату неба алмазная пыль. И посреди этой ледяной, мертвой величественности жило небо.

Фантазмагорические полосы северного сияния, словно живые зеленые духи, извивались в вышине, то замирая, то пульсируя холодным, призрачным светом. Их отражение в черной, как отполированный обсидиан, воде озера было еще страшнее: казалось, что это был не отблеск, а вход в иное измерение, зыбкий и ненадежный. Лес на другом берегу стоял стеной непроглядного мрака, безмолвный и всевидящий. Он наблюдал. Ждал. В этой первобытной, почти нечеловеческой красоте заповедника таилось что-то древнее и равнодушное к маленьким человеческим радостям, страхам и желаниям, которые вот-вот нарушат хрупкую границу ночи.

Катя стояла на краю небольшого оврага возле берега озера и смотрела вверх, не моргая, позволив сиянию заполнить собой все – зрение, мысли, это щемящее чувство в груди. Руки в толстых варежках были спрятаны в карманах, в одном из которых лежал телефон. Она знала, что камера телефона никогда не сможет передать всю красоту этого места. Ее нужно было впитывать кожей, ощущать ее ледяное дыхание на ресницах и понимать, как ты ничтожен. Каж-

дый год. Каждую зиму. Эти же валуны, эта же черная гладь, эти же всполохи, которые чужие фотографируют на память, а для нее они просто вечный декор к ее жизни. Декор к утренней дороге на работу, к походу в магазин, к скучным вечерам в четырех стенах. Сияние было похоже на гигантскую, прекрасную клетку. Она родилась в ней. И, кажется, умрет.

Катя обернулась к лесу, и ее взгляд скользнул к темным силуэтам у костра – к Ире, что занималась готовкой, к приезжим мальчишкам. К нему.

«Москвич». Красивый, таинственный, другой. Увидит это чудо, восхитится, уедет и унесет с собой частичку этой ночи как диковинку. А для нее ночь останется целой. Непроглядной. Навсегда ее. И от этой мысли Кате стало невыносимо горько и одиноко. Захотелось закричать. Не от восторга. Для того, чтобы эту вечную давящую красоту наконец увидели по-настоящему. Не как туристы, а как узники. Как она. Мрачные мысли все сильнее заполняли пустоту внутри Кати, заставляя дрожать изнутри.

– Народ! Давайте сюда! Пропустите все! – закричала Катя, не в силах уже оставаться наедине с собой. Она сняла теплую варежку и достала из кармана зимнего комбинезона яркого розового цвета, сотовый телефон. В один клик она включила камеру, которая тут же принялась записывать северное сияние, разлитое по всему небу. Напускная восторженность должна была привлечь его внимание, а телефон как предлог, чтобы встретиться с ним снова и продемонстрировать, что она все еще одна из них.

– Ого, какое огромное! – поразился Егор, встав рядом с ней. Он расплылся в улыбке, глядя на ночное представление. – Ты снимаешь?

– Да, но пальцы уже замерзли. Холодно, блин! – Катя продолжала держать левой рукой в варежке телефон, а пальцы на правой попыталась согреть своим дыханием.

– Ну как тебе, Дорофеев?! – с весельем спросил их Кирилл, обрушившись на Катю и Егора, словно лавина. Он с разбегу вклинился

между ними, ловко перекинув руки им на плечи и повиснув всей тяжестью, заставив их на мгновение пошатнуться. – Я тебе говорил, что в моем городе офигительное северное сияние! И вот оно! – Он поднял взгляд на расплывающееся зарево на небе.

– Да круто, и было б еще круче, если б не было так холодно, – поежился Егор, пытаясь сбросить со своего плеча Кирилла.

– Да ладно тебе, всего лишь минус двадцать пять! Тоже нашел мне мороз. Вон смотри, Катюха тут всю жизнь живет и не жалуется.

– А что мне жаловаться? У меня как будто выбор есть где жить, – с обидой ответила Катя и с легкостью высвободилась из хватки Кирилла. – Это у тебя родители всегда при деньгах, вот и сплывили в Москву учиться. – Катя выключила телефон и, развернувшись на каблуках, отправилась обратно к лагерю отогревать руки.

– Ой, да ладно тебе. Обиделась что ли?! – крикнул ей вдогонку Кирилл, но Катя лишь отмахнулась от него рукой.

Катя чувствовала не столько обиду, сколько белую, холодную зависть. Такие, как Кирилл, всегда могли вырваться из Мончегорска – маленького заполярного городка, зажатого между сопками и озерами, и начать жизнь с нуля где угодно. У нее же выбора не было.

Она жила с матерью, которая вкалывала на двух работах, чтобы поднять Катю и младшего брата, когда десять лет назад их бросил отец. Сама Катя пробилась на бюджет в филиал Мурманского арктического университета и теперь, чтобы не потерять место и получать стипендию, была вынуждена штудировать учебники с утра до ночи. Ее жизнь была тщательно расчерченным маршрутом: дом – университет – библиотека – дом.

В отличие от нее, Ирка, ее лучшая подруга и одноклассница, после девятого класса ушла в техникум, а потом устроилась в местный магазин. Спокойно жила в доставшейся по наследству от бабушки квартире, и единственной ее заботой теперь был поиск «того самого» жениха, который, впрочем, менялся у нее почти каждые две недели. Ира была бойкой, стремительной, с длинными ногами и острым языком, который никогда не подводил. Но в ее сердце прочно

и навсегда поселился Кирилл – ее школьная, первая и, как она была уверена, единственная любовь. Кате даже пришлось утешать ее несколько лет назад, когда тот после одиннадцатого класса, проведя с Ирой все лето, молча и без объяснений укатил учиться в Москву.

И вот теперь, спустя два года, Кирилл вернулся. С новым другом, Егором – одноклассником и, по слухам, сыном какого-то депутата. Вернулся, чтобы показать столичному другу северное сияние. Ира, естественно, использовала шанс, организовав эту вылазку в заповедник на выходные, забыв про разбитое сердце и пролитые слезы. Теперь она старательно возилась у костра, пытаясь через идеальный походный ужин снова покорить сердце Кирилла. Заметив Катю, Ира весело помахала ей черпаком и снова погрузилась в готовку.

А Катя стояла посреди дороги между лагерем и озером, ломая голову над главной загадкой: как этот чужак, этот москвич, сумел за пару дней так бесцеремонно вторгнуться в ее жизнь и поселиться в сердце? Это было необъяснимо, нелогично и просто пугающе.

– Обиделась? – спросил Егор, провожая Катю взглядом.

– Да не, – усмехнулся в ответ Кирилл. – Не обращай внимания. Девка она классная и умная. Так что просто так тебе не даст. – Он подтолкнул друга локтем в бок.

– С чего ты решил, что мне от нее что-то нужно? – Егор снова решил понаблюдать за северным сиянием, которое резко контрастировало на фоне черной глади озера.

Он, конечно, соврал Кириллу. Катя нравилась ему. Сильно. Взгляд ее голубых глаз, в котором таилось куда больше, чем простое дружелюбие, завораживал. Даже ее улыбка была особенной. В уголках губ светилась теплота, а в самой глубине взгляда пряталась усталость. Тонкая, хроническая, как намек на давнюю боль. И казалось, он один это замечал. Остальные видели умную, серьезную, даже слегка колючую девушку. А он различал за этим человека, загнанного в угол. Чувствовал кожей, потому что узнавал в ней себя.

Егор и сам жил по указке. Родители давно расписали его жизнь как маршрутный лист: престижный вуз, правильные связи, успешная

карьера. Он послушно шел по накатанной колее, а в душе вынашивал единственную, тихую и настойчивую мечту о свободе. Поэтому, когда Кирилл предложил сбежать на неделю в Заполярье, нарушив все мыслимые родительские запреты, Егор согласился не раздумывая. Это был не просто побег. Это был вызов самому себе, системе, всей своей прежней жизни.

И теперь, стоя на краю бездонной черной глади Имандры под переливами сияния, он понимал, что оно того стоило. Мороз, выжимающий слезы, звенящая тишина, пугающая своей первозданностью, – все это было не страшно. Это было по-настоящему. Впервые за долгие годы он чувствовал не контроль, а простор. Егор был свободен и... счастлив. И этот миг, этот холодный, сияющий во тьме миг, принадлежал только ему.

– Да ладно, я же вижу, как ты на нее пялишься. – Вырвал его Кирилл из своих мыслей. – Но вот че я тебе скажу... Катку я знаю с младших классов. Она уже с детства была главной красавицей школы и к тому же отличницей. И парней выбирает себе не по красоте, а по уму, понял? – Кирилл постучал пальцем по виску.

– Так у меня вроде с этим все в порядке.

– Да, но вот только ты это... столичный, понимаешь? – Кирилл покосился через плечо на темный лес, где среди деревьев на небольшой поляне горел костер, а вокруг него стояли две палатки. – Так что, если захочешь ей вдуть, то сегодня самое время, а то завтра вернемся в город и там ты ее вряд ли уломаешь. Ирку я отвлеку. – Он хитро подмигнул другу.

– Да ничего я не хочу! – возмутился Егор и быстро обернулся на лагерь, словно опасаясь, не услышали ли его там девчонки. – Просто нравится она мне.

– Так иди и... – остальную фразу Кирилл закончил движениями таза вперед и в такт ему жестами рук.

– Ну ты и озабоченный! – Егор шутливо толкнул Кирилла в плечо и рассмеялся.

– А че? С Ирккой я этим и займусь ночью, в отличие от тебя, – рассмеялся в ответ Кирилл и так же толкнул друга в плечо.

Егор лишь сделал шаг назад, чтобы поймать равновесие после толчка, но его нога угодила в снежный карниз края небольшого оврага перед озером. Кирилл даже не успел среагировать, чтобы поймать друга, как тот уже летел кубарем вниз. Внизу раздался шлепок об воду. Кирилл всматривался с ужасом в темный берег озера.

– Живой?! – крикнул он, ища взглядом безопасный способ спуститься вниз.

– Да! – не сразу раздался снизу голос Егора. Он уже поднимался с земли с намоченными рукавами пуховика. Перед глазами все еще вертелась картинка снега и ночного неба с северным сиянием. – Твою мать! – Егор смотрел на намоченные перчатки и пуховик, которые уже начали леденеть на морозе. Он быстро снял перчатки и растер руки.

Сзади послышались звуки хруста веток и камней. Через мгновение рядом с Егором стоял перепуганный Кирилл с включенным фонариком на телефоне.

– Цел? – спросил он, направляя свет на Егора.

– Да, но ненадолго. Я весь промок. – Егор показал масштабы бедствия, и Кирилл тут же повел его обратно в лагерь.

АРТЫ К ГЛАВЕ 1

